

Журнал «Идеология и Политика»

№2 (8), 2017

Постсоветский транзит между революцией и реставрацией

ISSN 2227-6068

Редколегія

Наталія Амелъченко, Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина)

Доминик Арэль, университет Оттавы (Оттава, Канада)

Валер Булгакау, журнал «Архэ» (Минск, Беларусь)

Александр Велль, Европейский университет Виадрины (Франкфурт-на-Одере, Германия)

Григорий Грабович, Гарвардский университет (Кембридж, США)

Александр Эткинд, Европейский университетский институт (Флоренция, Италия)

Андрей Мелешевич, Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина)

Вадим Менжулин, Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина)

Сергей Плохий, Гарвардский университет (Кембридж, США)

Максим Трудолюбков, Школа гражданского просвещения (Вильнюс, Литва)

Андреас Умланд, Институт центрально- и восточноевропейских исследований (Эйхштет, Германия)

Владимир Фадеев, Институт философии им. Г. Сковороды НАНУ (Киев, Украина)

Александр Филоненко, Харьковский национальный университет им. Каразина (Харьков, Украина)

Виталий Чернецкий, Канзасский университет (Канзас-сити, США)

Ольга Шпарага, Европейский колледж Liberal Arts в Беларуси (Минск, Беларусь)

Редакція

Михаил Минаков, главный редактор, Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина) и Европейский университет Виадрины (Франкфурт-на-Одере, Германия)

Михаил Кольцов, заместитель главного редактора, Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина)

Светлано Матвиенко, заместитель главного редактора, Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина)

Павел Бахмут, редактор, университет Эмброуз (Калгари, Канада)

Татьяна Безрук, редактор, Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина)

Кристи Моне Брэндли, редактор, Чикагский университет (Чикаго, США)

Галина Василенко, редактор, Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина)

Александр Голубов, редактор, Немецкая волна (Бонн, Германия)

Кристофер Донахью, редактор, Исследовательский институт человеческого генома (Вашингтон, США)

Девин Эклз, редактор, независимый исследователь (Нью-Йорк, США)

Содержание

Михаил Минаков	
ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАНЗИТ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И РЕСТАВРАЦИЕЙ	3
Павел Скигин	
ПУТИНСКАЯ РОССИЯ КАК НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ	9
Андреас Умланд	
РЕСТАВРАЦИОННЫЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ	11
Дженнифер Дж. Кэрролл	
ОБРАЗ И ИМИТАЦИЯ: ВИЗУАЛЬНАЯ РИТОРИКА ПРОРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ	60
Юрий Мациевский и Александр Кашинский	
ИСТОКИ ПОПУЛИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ	62
Джузеппе Юрато	
РИГИДНОСТЬ <i>ОБОБЩЕННОГО ИНОГО</i> . <i>ИНАКОВОСТЬ</i> И <i>ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ</i> С ПОЗИЦИЙ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА	64
Александр Резник и Владимир Резник	
ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР ЖИТЕЛЕЙ УКРАИНЫ: КАК СОЦИАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА	65

ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАНЗИТ МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И РЕСТАВРАЦИЕЙ

Михаил Минаков

Национальный университет «Киево-Могилянская академия» и Европейский университет Виадрины, ORCID: 0000-0002-0619-7321

Недавнюю историю постсоветских народов часто описывают с помощью метафоры перехода, транзита. Образ движения, смены места и ситуации находился в ядре социального воображения новых наций. В этой метафоре проговаривался поиск социально-политической новизны и новых начал, который легитимировал и роспуск СССР, и запуск новых политических и экономических экспериментов. Период между 1990 и 1993 был поистине революционным моментом, ориентированным на гражданственность-буржуазность, неолиберализм-капитализм и национализм-коллективизм.

Тем не менее, в этом революционном порыве к беспрецедентному были свои противоречия. Поиск новых форм социальной, политической и экономической жизни парадоксально сосуществовали с коллективной волей к «возвращению» к некоему «нормальному состоянию» и/или «цивилизованному миру» (эти фразы стали расхожими в поздне- и постсоветской прессе).

Идея «возврата» конечно же была связана с метафорой перехода: от советского тупика российское, украинское или литовское общества стремились вернуться к своему «естественному правильному состоянию». В силу этого, лидеры балтийских стран, России и Украины указывали на

республиканские эксперименты февральской революции 1917 года как отправные точки для новых государств.¹ Таким образом революционная креативность 1991 года ограничивалась стратегией реставрации, то есть интенцией использовать формы и модели первой половины XX века для построения стран, входящих в XXI век.

Еще одним ограничителем постсоветского социального воображения было «копирование Запада». Революция 1991 года рассматривалась как возможность для переноса западного опыта и моделей в постсоветские общества, ибо этот опыт гарантировал успех (see: Stefes, 2006: 10-11; Gaidar, 2010: 17ff; Кордонский, 2010: 10).

Но ни переход при помощи переноса, ни транзит через возвращение к дооктябрьской «нормальности» не привел ни к ожидаемому успеху, ни к западной нормальности. Новые формы коллективной жизни проросли в постсоветских обществах с неопатримониализмом, патрональными сетями, мафиозным государством, неоимпериализмом и национализмом, неосоветизмом и демодернизацией. И они успешно противостоят демократическим тенденциям в этих же странах. Несмотря на сильное институциональное и ценностное влияние ЕС, в странах Балтии немало препятствий для функциональной демократии и верховенства права (Masiukaite-Zviniene, 2009: 29-30). Другие двенадцать постсоветских стран потеряли эмансипативный импульс Перестройки (Hale, 2016: 26). Даже наиболее «демократичные» общества из этих двенадцати – Грузия, Молдова и Украина – пребывают в ситуации «полусвободы» и ненадежной ассоциации с ЕС (Nodia, Cenusu & Minakov, 2017). А о свободе и развитии в шести непризнанных государствах Восточной Европы и речи нет (Fischer, 2016: 5-7). Такая неожиданная постсоветская реальность

¹ Больше об этом см.: Minakov, 2017.

выросла в конкуренции и взаимодополнении революционных и реставрационных стратегий.

В этом номере журнала «Идеология и Политика» мы представляем вашему вниманию ряд исследований постсоветского транзита.

Номер открывает статья Павла Скигина, который присоединяется к дискуссии о характере путинского режима в России. Скигин поддерживает тех исследователей, кто применяет веберовскую концепцию неопатримониализма для описания политической системы России. В этой связи Автор показывает, как российская политическая система функционирует при помощи патрон-клиентских иерархий, разных форм получения ренты и обусловленной собственности. Автор также анализирует возникновение «властной вертикали» на примере современной России.

Статья Андреаса Умланда фокусируется на политических идеологиях современной России. Умланд утверждает, что радикализация путинского режима в 2013-14 годах может быть объяснена не только экономическими интересами правящих элит, но и доминированием антизападных и неоимпериалистических убеждений важных политических игроков. Автор доказывает, что режим Путина совмещает реакционную политику с элементами «революционного империализма» Жириновского и Дугина. Такая идеологическая смесь распространена как среди элит, так и общества, и в силу этого влияет на публичный дискурс России и ее внешнюю политику.

В следующем исследовании Дженнифер Кэрролл демонстрирует то, как пропаганда вернулась в Россию и Украину. Автор изучает, как российская пропаганда запустила своеобразные «контр-нарративы»

против украинских освободительных и националистических движений в 2013-14 гг. Кэрролл доказывает, что эти контр-нарративы достигли своей цели породить доверие к ложной объективности образов, которые отрицательно брендируют события и участников Евромайдана. Эта статья удачно анализирует постсоветское социальное воображение и попытки им манипулировать.

Юрий Мацневский и Александр Кашинский рассматривают причины и последствия популизма в Польше, Румынии и Украине. Авторы проверяют теорию, гласящую, что популизм становится влиятельным в обществах со слабыми демократическими институтами. Мацневский и Кашинский доказывают, что в Польше и Румынии радикальные экономические реформы спровоцировали длительное противодействие со стороны значительной части населения, что, в свою очередь, привело к распространению правых патерналистических и националистических настроений. В случае же Украины, социальный популизм возникает из-за недостатка реформ. Тут популизм одновременно носит левые и правые признаки. Но во всех трех случаях, согласно выводам Авторы, сильные популистские движения увеличивают демократический дефицит и провоцируют еще больше симпатий к популизму.

Джузеппе Юрато предлагает использовать методы социальной психологии для анализа модернизирующихся и демодернизирующихся обществ. В своей статье, Юрато применяет символический интеракционизм Мида для выявления того, как доминирование Обобщенного Иного в современных институтах ведет к разного рода автоматизмам и «рекурсиям в прошлое». Эта модель применима для анализа постколониальных условий существования постсоветских обществ.

Этот номер завершает социологическое исследование демократического транзита Украины в условиях фрагментированного общества. Александр Резник и Владимир Резник продемонстрировали, что противостояние двух геополитических ориентаций украинского населения связаны с наличием двух больших коллективов, ориентированных на разные культурные и политические ценности внутривнутриполитического характера. На данный момент эти различия не нашли способа управления в политической системе, что приводит к радикальным внешне и внутреннеполитическим изменениям с приходом каждой новой администрации, а также ограничивает демократические шансы украинского транзита.

Постсоветский транзит не завершен. Революционные и реставрационные процессы остаются сильными во всех обществах региона. И наш журнал будет изучать их и далее.

Bibliography

Кордонский, Симон. (2010). *Россия: Поместная федерация*. Москва: Европа.

Fischer, Sabine (ed). *Not Frozen! The Unresolved Conflicts over Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh in Light of the Crisis over Ukraine*. Berlin: SWP, 2016.

Gaidar, Yegor. (2010). *Collapse of an Empire*. Washington, DC: Brookings Institution Press.

Hale, H. E. (2016) 25 Years After The USSR: What's Gone Wrong?, in: *Journal of Democracy*, T. 27, №. 3, pp. 24-35.

Maciukaite-Zviniene, Saule. Defining Criteria and Assessing Democracy in the Baltic States. *Social Research*, 2009, 15(1): 28-38.

Minakov, Mikhail. 2017. (Not Only) A Russian Revolution: Centennial Reflections, Kennan Focus Ukraine, accessed online 22 December 2017, <http://www.kennan-focusukraine.org/not-only-a-russian-revolution-centennial-meditations/>.

Nodia, Ghia, Denis Cenusă, Mikhail Minakov. 2017. Democracy and its Deficits: The Way of Georgia, Moldova and Ukraine towards becoming European-Style Democracies, Centre for European Policy Studies policy papers, accessed online 22 December 2017, <http://www.3dcftas.eu/publications/other/democracy-and-its-deficits-way-georgia-moldova-and-ukraine-towards-becoming>.

Stefes, Christoph H. (2006). *Understanding Post-Soviet Transitions*. London: Palgrave Macmillan.

ПУТИНСКАЯ РОССИЯ КАК НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ

Павел Скигин

Павийский университет, ORCID: orcid.org/0000-0002-3589-939X

Резюме: *Научная дискуссия о классификации нынешнего российского режима настолько же оживленна, насколько и нерезультативна. Веберовская концепция неопатримониализма, обычно используемая в контексте Африки и Латинской Америки, предлагает многообещающее объяснение укоренившихся особенностей принятия решений в России, которое при этом не зависит от её текущей институциональной структуры. Такой подход демонстрирует поверхностность дихотомии «демократический-авторитарный» в вопросе о природе существующего режима.*

Хотя концепция неопатримониализма и использовалась для различных исследовательских целей (напр. Gel'mal 2014, Fisun 2012, Robinson 2011), её применимости к путинской России никогда не посвящалась специальная работа. Данный case study рассматривает этот подход и его эвристические перспективы следующим образом: (1) представляет концепцию неопатримониализма и выделяет её ключевые переменные: иерархию патрон-клиентных отношений, извлечение ренты и условную собственность, (2) ассоциирует каждую из этих переменных с одной из следующих характерных черт современного российского общественно-политического устройства, используя инструментарий концепций «политической пирамиды» (Hale,

2010), «экстрактивной экономики» (Acemoglu and Robinson, 2012) и «условной частной собственности» (Pipes, 1974). В заключение в статье рассматривается весь спектр мнений о месте и полезности неопатримониальной оптики в академических дебатах о России.

Ключевые слова: неопатримониализм, условная собственность, извлечение ренты, Вебер, Россия, Путин.

Полный текст статьи доступен на английском языке.

**РЕСТАВРАЦИОННЫЙ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ:
СДВИГ ПОСТСОВЕТСКОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СПЕКТРА ВПРАВО И
АНТИЗАПАДНЫЙ ПОВОРОТ КРЕМЛЯ**

Андреас Умланд

Институт евро-атлантического сотрудничества, ORCID 0000-0001-7916-4646

Резюме. Большая часть политологических объяснений на мезо-уровне выросшего при Путине российского авторитаризма, антизападничества и ирредентизма является политэкономической. Здесь представлено альтернативное толкование на среднем уровне представляет собой своего рода спектрально-аналитическую интерпретацию российского идеологического ландшафта. Оно находится между биографическими микроисследованиями отдельных решающих персонажей, с одной стороны, и историософской мета-политологии о «судьбе России», с другой. Радикализация сегодняшнего российского режима может быть объяснена не только экономическими интересами правящих элит, биографиями Путина и его сподвижников или некими глубокими закономерностями российской истории. Явный сдвиг вправо постсоветского политического режима при Путине происходил на фоне параллельного восхода революционного империализма как отдельного распознаваемого нового политического лагеря, который представленный, в первую очередь, ЛДПР Владимира Жириновского и МЕРУ Александра Дугина. Правда, сам путинский режим

остаётся реакционным и не становится революционным, а его внешняя политика стремится к частичному возрождению, а не к полному новорождению российской империи. Тем не менее, новый официальный идеологический спектр России при Путине включает в себя некоторых революционных империалистов как явно допущенных и даже, видимо, частично поддерживаемых режимом участников, которые своим демонстративным присутствием, как на телеканалах, конференциях, книжных лавках и т.д., так и в государственных органах, переформатируют всю структуру полупоткрытого публичного дискурса и тем самым имеют опосредованное влияние на внешнюю политику сегодняшней России.

Ключевые слова: *Россия, империализм, фашизм, идеология, политический спектр.*

Решимость, с которой Москва в 2008 г. превратила Абхазию и Южную Осетию в российские протектораты, а в 2014 г. провела откровенную аннексию Крым и скрытую военную интервенцию на Донбассе, как и другие политические акции Москвы в новом веке отрезвляют. Постепенное изменение кардинального направления российской внешней политики, особенно за последнее десятилетие, может показаться непонятным исходя из современных западных политических системах политических координат. Оно, с западной точки зрения, противоречит не только предполагаемым стратегическим национальным интересам России, но, кажется, и простому здравому смыслу.

Преобладающие как в общественном дискурсе, так и в политологическом сообществе толкования с каждым годом все более глубоких видоизменений в российской внутренней и внешней политики можно разделить на три группы: личностно-биографические подходы, политэкономические объяснения и историко-философские интерпретации. Аналитики, представляющие первый подход, концентрируют свое внимание на биографиях ключевых политических фигур – например, на прошлом доминирующих российских элит при Владимире Путине, т.е. на их профессиональное формирование в КГБ, МВД и войсках СССР. Политические экономисты комбинируют в своих моделях наблюдения об институциональных дефектах, социальных особенностях, лоббистских групп, неформальных механизмов и экономических структур постсоветской России для объяснения упадка демократии при Путине (напр.: Fish 2005).

Интерпретаторы-историософы же выступают за «глубокое» понимание российской политики и оценивают недавние события российской истории в свете рассматриваемых ими как хрестоматийные закономерностей исторического развития России, если не истории человечества в целом.² Среди них, апологеты последнего политического регресса придерживаются мнению, что Россия должна идти своим особым историческим путем.³ Они часто исходят из представления о России не как о европейской нации, а как о самостоятельной цивилизации и не как об обычном национальном государстве, но как о естественным путем разросшейся империи, которая нуждается не в «западной», а в собственной «суверенной» демократии.⁴

Другие политические обозреватели, также стоящие на историософских позициях, же исходят из того, что сегодняшняя Россия находится на переходном этапе и что недавние ограничения политических свобод в стране — временны.⁵ Более пессимистические историософы, такие как, например, выдающийся американский политолог российского происхождения Александр Янов (Янов, 1981; Янов, 1988), рассматривают развитие российской истории как повторяющийся патологический цикл сменяющих друг друга, попеременных прото-революционных, реставрационных и консервативных фаз — своего рода порочный круг, из которого Россия до сих пор так и не смогла выйти.

Все три интерпретационных подхода — как биографический, так и политэкономический и историософский представляются полезными и равноценными. Тем не менее, они являются по разным причинам лишь

² Пример этого подхода: Maresch, 2009a, 2009b.

³ См. к идее особого пути, напр.: Luks, 2009.

⁴ Об этой концепции см., напр.: Казанцев, 2007; Schulze, 2007; Casula & Perovic, 2009.

⁵ Напр.: Ehlers, 2009.

частично удовлетворительными. Биографический подход зафиксирован на роли отдельных политических фигур и оперирует на микроуровне анализа непосредственных персонажей в политике и экономике России. Наоборот, различные историософские подходы носят фаталистический характер и философствуют на макро-, если не на мета-уровне. Часто они представляют собой скорее выражения определенных мировоззрений, чем выводы информативной комбинации эмпирического анализа с обществоведческими теориями.

Эти разные подходы на микро- и макроуровне можно поддерживать или нет. В любом случае требуются интерпретации и на мезо- или среднем уровне. Такие теории оперируют в области, занимающей промежуточную позицию между характеристиками отдельных ключевых личностей, с одной стороны, и размышлениями исторической метаполитологии, с другой. Упомянутые политические экономисты проводят свои исследования на мезоуровне. Однако, их заключения ценные в основном для понимания изменения институциональной структуры российской политики, т.е., например, возросшей концентрации власти в руках Путина и возрождения российского авторитаризма в новой форме. Они только частично объясняют сопровождающую это перераспределение власти стремительную радикализацию внутреннего дискурса, эскалацию политической риторики и растущую внешнюю агрессивность России. Последние явления часто рассматриваются скорее или даже исключительно как инструменты, декорации или последствия, а не как источники, факторы или катализаторы существенных институциональных, политических и поведенческих изменений.

Здесь будет сделана попытка интерпретации недавнего антизападного поворота в московском политическом мейнстриме и

российских иностранных дел, в основе которой лежит анализ реструктурирующегося идеологического спектра публичного дискурса России при Путине (Umland, 2008a). Изменения в международных позициях и акциях Москвы будут разъяснены с учетом недавних модификаций в российских политическом, интеллектуальном и медийном дебатах и соответствующих сдвигов в композиции московских истеблишмента и мейнстрима, в том числе в полуавтономном гражданском и «негражданском» обществе (Umland, 2003, 2009a).

Как станет ясно, разработанные на основе послевоенных западных типологий идеологий мыслительные шаблоны лишь частично пригодны для распознавания структуры спектра важнейших публичных политических доктрин в путинской России. На фоне этого разрыва, эта статья является попыткой внести вклад в «герменевтику» недавних изменений российских политических риторики, идей, политики и поведения. Здесь представленная обобщающая и интерпретационная статья базируется на многолетних эмпирических исследованиях постсоветского русского национализма и воспроизводит только маленькую часть соответствующих находений. По этой причине в сносках ниже перечислены сразу несколько моих ранних публикации, в которых изложены факты, данные и цитаты, на базе которых я пришел к здесь представленному толкованию недавнего процесса трансформации российского публичного политического дискурса.

В последние годы приобрела значение новая и необычайно агрессивная – по крайней мере, с западной точки зрения – форма империализма. Этот явный неоимпериализм, который здесь назван «революционным», в девяностых годах еще считался в России маргинальным (Orttung, 1992; Williams & Hanson, 1999). Сегодня же он

является политически презентабельной идеологией, которая имеет своих представителей как в гражданском обществе, так и в высших эшелонах власти. Как будет показано далее, этот революционный империализм возник «справа» по отношению к доминировавшему в постсоветской России реставрационному ирредентизму как распознаваемый и публично акцептируемый отдельный политический лагерь. Представители революционного империализма сегодня постоянно присутствуют в главных СМИ страны, а их идеи находят свое отражение в дебатах политических экспертов и общественных наук. В процессе и результате консолидации политических позиций, например, ЛДПР Владимира Жириновского, Международного евразийского движения Александра Дугина и подобных организации в официально разрешенных телевизионном и интеллектуальном дискурсах в последние несколько лет в России наблюдается неуклонный сдвиг политического центра вправо.⁶

Эта реструктуризация идеологического спектра может рассматриваться либо как причина, либо как следствие изменений в персональном составе и политических взглядах высшего руководства России. Амбивалентное расположение этого явления как одновременно направляющего фактора, так и побочного эффекта от антизападного витка путинской политики может представиться неудовлетворительным. Однако, такая неоднозначность в определении причинно-следственных связей хороша известна исследователям, сталкивающимся с методологическими проблемами научного анализа реального мира. Получение удовлетворительных ответов о том, вообще ли, в каком направлении, в каком порядке, в какой комбинации и насколько сильно наблюдаемая

⁶ Исключительно важная недавняя монография Антона Шеховцова о кремлёвских связях с радикальными правыми на Западе здесь ещё не учтена. См.: Shekhovtsov, 2017.

корреляция каких-либо двух явления действительно обозначает предполагаемый причинно-следственный процесс – общенаучный вызов, возникающий во многих эмпирических исследованиях, будь они общественные, психологические, медицинские или естественные. Эта проблема часто не решается полностью, а иногда даже в принципе окончательно нерешаемая в целом ряде важных научных вопросов (Bailey, 2007: 50).

В любом случае реконфигурация идеологического спектра России остается заметным явлением, сопровождающим и выражающим изменение публично доминирующих российских политических мировоззрений при Путине. Более того, третий Президент России Медведев, как относительно либеральный и прозападный лидер, во время своих частичных реформ 2008-2012 гг. также должен был учитывать в своем само-позиционировании и формировании группы поддержки в центре российского идеологического спектра это смещение координат во все еще существующей в Москве борьбе политических идей. Революционная разновидность постсоветского империализма пользуется, как будет кратко проиллюстрировано ниже, фантастическими идеями, ярко выраженными утопиями, бредовыми историческими интерпретациями и экстравагантными обществоведческими концепциями. Тем не менее, тот факт, что это политическое течение за последние несколько лет укрепилось в официальном российском политическом дискурсе и частично даже проникло в такие академические дисциплины как политология, история и международные отношения представляет собой релевантную составляющую, если не важный фактор (хотя, конечно, и не единственную причину) стремительного ухудшения российско-западных отношений последних лет.

Базовая структура идеологических спектров в современной политике Запада и России

Западные линии политических конфликтов в послевоенный период, хотя и проходят по-разному в разных странах, но, как правило, следуют единому делению идеологических спектров на две или три составные части (схема 1).

Схема 1: Упрощенное изображение идеологических спектров в политическом мейнстриме избранных исторических ситуаций: **Сегодняшний Запад**

«Левые»	«Центр»	«Правые»
Социалисты, социал-демократы, Зеленые, социал-либералы, лейбористы, Демократы и др.	Центристские фракции «умеренных» партии	Правые фракции христианско-демократических партии, Консервативная партия Великобритании (тори), Республиканская партия США и др.

С левой стороны идеологического спектра — далее следует упрощенное изложение — размещаются, как правило, идеи и доктрины, которые основываются на оптимистическом образе человека и направлены на внутривнутриполитические или международные перемены, подразумевающиеся как «демократизация» (Bobbio, 1994; Backes & Jesse, 2005). К этому сектору спектра относятся сегодня в Западном мире, в зависимости от страны, социалистические, социал-демократические, леволиберальные, зеленые и другие им подобные политические субъекты. В Германии, например, это будут СПГ, Союз 90/Зеленые и Левые (которые вышли из тоталитарной СЕПГ).⁷

⁷ Правда, пост- или нео-коммунистические партии бывшего советского блока представляют собой, как будет ниже коротко изложено в отношении КПРФ, более сложный феномен. См., напр.: Olsen, 2002.

Как это ни парадоксально, но сегодняшние США и ранняя постсоветская Россия (схема 2) были во многих отношениях похожи, касательно этой части их партийного спектра. В обеих странах — в остальном принципиально отличающихся — слева от центра находились относительно аналогично ориентированные либеральные или леволиберальные демократы: в России — это, например, партия «Яблоко» и так называемый «Союза правых [!] сил», а в США — Демократическая партия или, по крайней мере, ее левые фракции. В 1990-е эти два государства воспроизводили тем самым до сих пор считающееся классическим разделение на левых и правых в том виде, в каком оно возникло во время Французской революции 1789 г.

С правой стороны политического спектра, в современном Западе, расположены как правило идейные конструкции, которые трактуют природу человека более или менее скептически и, как правило, поэтому дистанцируются или критически настроены по отношению к радикальным процессам социальных и международных изменений. Сомнения в необходимости реформ или революций представители этого политического лагеря основывают на том, что волевые преобразования общественных отношений ставят под угрозу те исторически сложившиеся официальные и неофициальные институциональные структуры, которые призваны ограничивать эффекты от человеческих несовершенств (наивность, эгоизм, агрессивность и т.п.) (Eatwell & O'Sullivan, 1989). Для обозначения подобного типа мышления часто используется термин «консерватизм» (Huntington, 1957; Schumann, 1974).

Что касается внешнеполитического мышления, то по отношению к этой части спектра обычно употребляется спорный термин «реализм», под которым подразумевается не столько действительно «реалистический»

способ рассмотрения международных конфликтов, сколько мышление исключительно в категориях большей или меньшей власти государств, как и их временных альянсов и игр с нулевой суммой (Freyberg-Inan, 2004). Правое крыло современных христианско-демократических партий в Европе или республиканцы США, а также связанные с ними аналитические центры могут быть отнесены к этой части идеологического спектра.

К расположенному в середине идеологического спектра политическому центру в сегодняшнем Западе относятся те политические силы, которые позиционируют — по крайней мере, сами — себя сторонниками баланса реформаторских и консервативных устремлений, а также идеалистических и «реалистических» импульсов. Они выступают за постепенные и умеренные изменения, адаптированные к текущим вызовам.

Здесь изложенная упрощенная схема для интерпретации современных идеологических конфликтов игнорирует многие частные явления, типологические нюансы и эмпирические детали. Несмотря на свою простоту, она, тем не менее, представляет собой своего рода аксиому современной политической мысли на Западе. Большой части сегодняшних международных и внутренних конфликтов в Западном мире с помощью вышеприведенной схемы можно дать некую элементарную структуру.

Также и в отношении внутри- и внешнеполитических программ общественных сил и элит Российской Федерации девяностых годов это деление политического спектра на две или три категории, казалось, имело смысл (схема 2) (Simonsen, 2001). Первый российский Президент Борис Ельцин попытался во время своего пребывания в должности, уравновесить реформаторские импульсы прозападных либеральных демократов, с

одной стороны, и реакционного сопротивления антизападно ориентированных старых элит, с другой.

Однако уже тогда наблюдался отход от типичной для сегодняшнего Запада типологии политических конфликтных линий. С одной стороны, появился парадокс, что с 1991 года «справа» от российского политического «центра» разместились политические силы, включая не в последнюю очередь «коммунистов», которые вышли из российского исторического левого движения. Более того, эти новые и своеобразные российские «правые» не нацелены на консервацию настоящего, а на возврат к прошлому (Urban, 1997; Sakwa, 1998; Vujačić, 2001). Хотя сегодняшняя Коммунистическая партия считается в Российской Федерации «левой», а демократы — «правыми», тем не менее, уже под конец существования СССР стало ясно, что группировки, из которых позже вышла КПРФ и другие «коммунистические» партии, не являются реформистско-эмансипаторскими, а, наоборот, представляют собой своеобразные реакционно-традиционалистские политические силы (Glybowski & Winkel 1991; Moses, 1991).

Существующее отклонение от политического спектра современных западных государств, заключающееся в том, что постсоветские российские «правые» не стремились сохранить статус-кво, при Ельцине имело еще более далеко идущие политические последствия. Правые наоборот, выступали за, по крайней мере, частичное восстановление положения дел времен «холодной войны». Не в последнюю очередь это касалось возвращения некоторых потерянных территорий бывшего СССР под прямой контроль Москвы и как можно большее, по крайней мере, неофициальное возрождение царско-советской империи. Поэтому кажется

оправданным классифицировать подобные устремления не как «консервативные», а как «реставрационные» (Umland, 1995).

Находящиеся «справа» от политического центра силы постсоветской России еще в конце периода Перестройки при Горбачеве в 1990-1991-х гг. и при Ельцине с конца 1991 г. — в отличие от умеренно правых политических партии на Западе сегодня — стремились к повороту назад. Российские реставрационные правые стремятся не к сохранению недавно созданных и жестко критикуемых новообразованных структур, а к их частичному или полному уничтожению (Hughes, 1993; O'Connor, 2006). Их целью было и есть по сей день как можно большее восстановление российской империи и возобновление конфронтации между Востоком и Западом, то есть, возврат к тому состоянию, которое «органически» — по крайней мере, с точки зрения «советских реакционеров» — выработалось за 70 лет до распада СССР и, таким образом, стало составной частью «русской традиции» (Tolz, 1997; Devlin, 1999).

Схема 2: Упрощенное изображение идеологических спектров в политической мейнстриме избранных исторических ситуаций: Ельцинская Россия 1991-1999

«Левые»	«Центр»	«Правые»
Демократическая Россия, «Яблоко», Демократический выбор России и др.	Умеренные реформаторы, «болото»	«Коммунисты», национал-большевики, монархисты и др. «хранители империи»

Кроме того, как при Ельцине, так и сегодня был и есть ряд антисоветский настроенных националистов. Самым известным среди них являлся Нобелевский лауреат Александр Солженицын (1918-2008). Эти националисты, хотя и не разделяют с коммунистами и представителями

старых элит ностальгию по Советскому Союзу, но также выступают за, как минимум, частичное восстановление Российской империи. Их усилия направлены прежде всего на воссоединение России с другими восточными славянами, то есть с Украиной и Беларусью, а также и с некоторыми нероссийскими регионами, населенными русскими или русскоговорящими меньшинствами, как, например, Северный Казахстан.

Биографии антикоммунистических представителей реставрационного имперского мышления принципиально отличаются от прошлого «советских реакционеров». Тем не менее, в процессе формирования постсоветского общественного дискурса образовался де-факто политический альянс частей этих двух в остальном критически настроенных по отношению друг к другу направлений российского империализма. Яркой иллюстрацией неформального союза националистически настроенных диссидентов со старыми элитами Советского Союза стали тщательно документированные российским государственным телевидением встречи Владимира Путина с Александром Солженицыным.

Таким образом, уже при Ельцине реставрационный империализм образовал весомую часть политически значимого российского идеологического спектра. Призыв к коррекции границ России, а также к, по меньшей мере, частичному восстановлению империи уже в первом десятилетии существования молодой российской демократии звучал часто – например, из уст Юрия Лужкова. Он ослаблял ее стабильность и

препятствовал появлению аутентичного постсоветского, пост-имперского и территориально удовлетворенного консерватизма.⁸

Это отличие в правой части политического спектра между Россией, непосредственно после распада СССР, и современным Западом было распознано политическими наблюдателями как в России, так и за её пределами. Западная проницательность касательно этого вопроса не удивляет не в последнюю очередь потому, что и в пост-имперских идеологических спектрах западных колониальных держав после распада соответствующей мировой империи (например, в Германии, Великобритании, Франции и др.) наблюдались аналогичные, идеологически скорее реставрационно, нежели консервативно ориентированные группы, которые затем постепенно вытеснялись из политического мейнстрима этих стран (Greiffenhagen, 1986).

Однако идеологический спектр постельцинской России отличается от спектров пост-имперских многих послевоенных западных государств не только тем, что ирредентистские рассуждения о территории бывшей царско-советской империи стали полноправной частью российского политического мейнстримового дискурса. Есть еще более разительное отличие между современными западным и российским политическими дискурсами. Оно состоит в том, что в российском истеблишменте за последние 15 лет всё бóльшим влиянием пользуются политики и интеллектуалы, неоимперские идеи которых, хотя тоже имеют реваншистское происхождение, но чьи устремления должны быть классифицированы не как реставрационные, а как революционные (Tsygankov, 1997).

⁸ Большую часть научной литературы касательно этих развитий я перечислил в этих рецензионных статьях: Umland, 1997a, 1998; Умланд, 2009a; Umland, 2017.

Схема 3: Упрощенное изображение идеологических спектров в политической мейнстриме избранных исторических ситуаций: Путинская Россия с 2000 г.

Маргинализованные «левые»	Бывший «Центр»	«Правые» (реставраторы)	«Крайне правые» (революционеры)
Яблоко, «Союз правых [sic] сил», социал-демократы, ПАРНАС	Умеренные фракции в правительстве и «Единой России»	«Коммунисты», империалисты в государственном аппарате и «Единой России»	ЛДПР, Международное евразийское движение и др.

Сегодняшний центр российского
политического спектра

Политическая карьера и экспансионистские планы Владимира Жириновского

Вероятно, самым известным представителем революционной разновидности постсоветского неоимпериализма является Владимир Жириновский – лидер так называемой Либерально-демократической партии (ЛДПР) (Eichwede, 1994; Conradi, 1995; Oschlies, 1995). Партия Жириновского была основана в 1990 г. изначально как «полит-технологический» проект старого режима (Wilson, 2007). Задачей ЛДП, как и ряда других псевдо-партий с такими же сбивающими с толку названиями, появившихся в начале 1990-х, очевидно было способствование внутренней дезорганизации, политическим разногласиям и публичной диффамации подлинного либерально-демократического движения. Более широкой целью был подрыв формирующегося плюралистического дискурса в распавшемся Советском Союзе. Хотя «проект Жириновский» в свое время не добился поставленной цели,

молодой политик продемонстрировал в 1990-1991-х гг. бóльший политический талант и организаторские способности, чем его различные, по-видимому, также получавшие поддержку от КГБ, конкуренты в псевдо-демократическом минипартийном ландшафте созданном старым режимом, такие как Валерий Скурлатов из т.н. Российского народного фронта или Владимир Воронин из т.н. Союза демократических сил им. Сахарова (Umland, 1997a).

В последующем произошла своеобразная метаморфоза политического профиля ЛДП и ее перевоплощение в клуб ностальгирующих по российской империи антикоммунистов. Однако, Жириновский перерос замысел своих крестных отцов еще и в том отношении, что он не только постепенно преобразовал поначалу якобы либеральную политическую программу своей партии в выражено неоимперскую. Он также сумел адаптировать становящуюся все более ультранационалистической доктрину ЛДП к области своих собственных профессиональных знаний и политических убеждений. В 1992-1995-х гг. Жириновский разработал в официальных органах ЛДП, а также в других книжных и газетных публикациях свое специфическое собственное видение мировой политики, суть которого была напрямую связана с его личной биографией и профессиональной квалификацией (Umland, 1994a).

Жириновский вырос в Казахстане, закончил школу, находившуюся под патронатом КГБ, в Алматы и затем изучал в Институте восточных языков при МГУ туркологию. В качестве студента он даже прошел практику в Турции. Тот факт, что Жириновский проходил студенческую стажировку в стране-члене НАТО уже тогда намекал на его возможное сотрудничество с КГБ. Во время своей последующей военной службы в Грузии он был

назначен в отдел, который занимался политическим анализом радиопередач из Турции.

Под конец Второй российской республики,⁹ т.е. политического режима, существовавшего в 1991-1993-х гг., дипломированный турколог и уже ставший известным политик разработал свое уникальное видение глобальной политики. Жириновский впервые официально представил свою революционную программу российских внешних отношений в последних номерах первого печатного органа ЛДП – нерегулярно выходящей газеты «Либерал», а также в беседе со мной в августе 1993 г., в своей бывшей московской партийной штаб-квартире в Рыбниковом переулке (Umland, 1994a, 1994b). Наконец, он в своем основополагающим автобиографическом опусе «Последний бросок на Юг», опубликованном в сентябре 1993 г., подробно изложил весь свой безумный план (Umland, 2008b).

Основной установкой новой имперской доктрины Жириновского стала идея-фикс о том, что т.н. «южане» якобы виновны в большинстве исторических неудачах и актуальных нуждах России и представляют будущую угрозу для русских. Под «южанами» Жириновский подразумевает проживающих к югу от Росси – по его словам – «варваров» и «захватнических» народностей Передней и Центральной Азии, в том числе Кавказа (Жириновский, 1993а: 4). Лидер ЛДП обрисовал в своих ранних политических текстах сценарий будущего уничтожения России в результате подрывной деятельности «южан». Чтобы предотвратить опасность, которую представляют «южане» для стабильности России, русские не

⁹ Под «Первой российской республикой» же подразумевается относительно плюралистский период временного правительства и двоевластия с марта по октябрь 1917-го года.

должны уходить в изоляцию, а, наоборот, расширят границы своего государства на юг.

В речах и публикациях того времени Жириновский неоднократно и прямо заявлял, что не только бывшие советские республики Центральной Азии и Южного Кавказа, но и Афганистан, Иран и Турция должны стать частью российского государства. В одном месте он написал, например, что в этих странах должны быть введены «русская армия» и «русский рубль» (Жириновский, 1993а: 4). То, что это несомненно повлечет за собой человеческие жертвы, Жириновский признавал открыто и с одобрением. По его мнению, с «миром ничего не случится, если даже вся турецкая нация погибнет» (Жириновский, 1993b: 130). Военные действия по осуществлению российского «Последнего броска на Юг», так его на шумевшая книга 1993 г. называлась, в свою очередь приведут к «возрождению» российской армии, «очищению» всего русского народа, а также созданию «новой», «счастливой» России.

Кроме того, весь мир извлечет пользу от «успокоения» «южан» Россией (слова «успокоить» или «успокоение» встречаются не менее 19 раз в его книге). Посредством реализации российского «последнего броска на юг» будет инициирована реорганизация международной системы в целом. Обозначенная Жириновским как «юг» часть Азии попадет, таким образом, в сферу влияния России, в то время как сферой влияния Европы станет Африка; Соединенным Штатам достанется Южная Америка, а Японии – Восточная Азия. Наряду с этим лидер ЛДП видит в перспективе «общеевропейское государство» «в котором будут существовать сильные государства: Россия, Германия, Франция [и] Италия. Они легли бы в основу этого [общеевропейского] государства» (Жириновский, 1993а: 5). Это стало бы последним переделом мира. Только тогда, когда «русский солдат будет

мышь сапоги в Индийском океане», Россия, по словам Жириновского, выполнит свою историческую миссию и спасет себя и весь мир от «войн, которые всегда исходили с Юга» (Жириновский, 1993b: 76).

Интересна в «феномене Жириновского» не его экстравагантная программа как такова. Примечательно, скорее, что в декабре 1993 года, т.е. всего через три месяцев после публичной презентации его плана «Последнего броска на Юг» в одноименной автобиографической и программной книге в сентябре 1993 (Жириновский, 1993b: 76), партия Жириновского ЛДП имела оглушительный успех на первых российских постсоветских парламентских выборах на многопартийной основе, выиграв с результатом в 22,92% голосов с большим расстоянием пропорциональную часть выборов (Morrison, 1994). В последующие два года ЛДПР имела одну из сильнейших фракций в пятом созыве Государственной Думы.

В этой связи как среди некоторых политических наблюдателей (Klerikova & Solovyov, 1995: VII), так и политических конкурентов ЛДПР появилась мысль о том, что впечатляющий успех партии на выборах в 1993 г., а также открытая пропаганда Жириновским военных операций на «юге» стали неким фактором или даже необходимой предпосылкой (хотя, конечно, и не достаточным условием) для развязывания Первой чеченской войны в декабре 1994 г.¹⁰ Самым важным последующем развитием для его партии являлось то, что, хотя триумф на выборах декабря 1993 г. и был самым крупным успехом в ее истории, ЛДПР и на последующих выборах в Государственную Думу регулярно преодолевала пяти- или семипроцентный барьер для вхождения в нижнюю палату Федерального

¹⁰ Григорий Явлинский в телепередаче *Итоги* на канале «НТВ» (Независимое телевидение). 18 декабря 1995 г.

Собрания. Партия Жириновского таким образом, является на данный момент самой старой постсоветской политически значимой силой, поскольку, основанную в 1993 г. КПРФ нельзя классифицировать как однозначно «постсоветскую» партию (Ishiyama, 1996; Urban & Solovei, 1997; Timmermann, 1997; Davidheiser, 1998; Flikke, 1999; March, 2001).

С точки зрения новейшей истории самым интересным аспектом «феномена Жириновского» представляется не столько очевидная абсурдность его политической программы, сколько тот факт, что он и после ее опубликования сумел подняться со своей партией на российский политический Олимп и остаться там по сей день. В постсоветской России был и есть целый ряд более или менее незаурядных политических деятелей и публицистов с аналогично параноическим видением российского прошлого и будущего. Тем не менее, лишь немногим конкурентам Жириновского на правом фланге, среди которых, например, ультранационалистический юрист и многолетний член парламента Сергей Бабурин, удалось так же высоко и устойчиво взлететь на политическом небосклоне, как лидеру ЛДПР. Никакой другой парламентарий России аналогичной идеологической направленности не занимал важные политические посты такой же длительный период, как Жириновский. Глава ЛДПР первоначально в течение некоторого времени был лидером фракции своей партии в Государственной Думе, а потом в течении нескольких лет выполнял функцию заместителя Председателя Государственной Думы, что является одной из наиболее высоких политических должностей Российской Федерации. Сегодня этот пост занимает сын Жириновского Игорь Лебедев.

Внешнеполитические идеи Жириновского, по крайней мере его «Последний бросок на Юг», находятся далеко за пределами

идеологического центра российской политики. Тем не менее, он и члены его фракции в Госдуме стали неотъемлемой частью политического истеблишмента путинской России. Солидный – в российском постсоветском контексте – возраст ЛДПР и ее постоянное освещение средствами СМИ привели к тому, что партия стала неожиданно стабильным политическим явлением постсоветского политического ландшафта. Парламентарий ЛДПР делали политические карьеры как при Ельцине, так и при Путине. Так, например, в 2007 г., на депутата от ЛДПР, давнего поверенного Путина и бывшего местного политика Санкт-Петербурга Владимира Чурова была возложена значительная для неоавторитарного режима России государственная должность: Чуров был назначен председателем Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

Особо стоит выделить, что лидеру ЛДПР удалось остаться на поверхности российской федеральной политики при переходе власти от ельцинского к путинскому клану и в условиях возникновения новой «ведомой» партийной системе при Путине в 1999-2003 гг. Электоральное соревнование при Ельцине ещё имело отдельные признаки справедливости и плюрализма, а режим был гибридным или полу-/протодемократическим. При Путине же российский политический режим постоянно становится криптоавторитарным или псевдодемократическим. Несмотря на эту глубокую трансформацию российской фактически действующей партийной и электоральной системы, Жириновский успешно адаптировал свою партию к новым политическим реалиям при втором и третьем президентах РФ.

Возможно, благодаря своему прошлому в КГБ, ультранационалист, по-видимому, смог найти компромисс с «политтехнологами» Кремля,

утвердить себя в качестве правого крыла неформальной коалиции пропутинских фракций в Государственной Думе и закрепить свои позиции в политическом истеблишменте России. В 2006 г. Жириновский был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени — официальное признание, которое было бы немислимо при Президенте Ельцине. По-видимому, политтехнологи Кремля намеренно оставили ЛДПР в «рабочем состоянии» в составе Госдумы. Учитывая эти и другие факторы, Жириновского, можно причислить к крайне правому крылу контролируемого и манипулируемого Кремлем псевдо-конкурентного политического квази-соревнования. Но одновременно сегодня нужно также рассматривать ЛДПР в качестве полноправной и важной составляющей партийно-идеологического спектра и всеобщего публичного дискурса РФ.

Александр Дугин и «неоевразийское» движение

Аналогичные аргументы можно привести и относительно другого, лишь недавно ставшим знаменитым политического деятеля России — Александра Дугина, основателя и председателя пресловутого Международного «Евразийского движения» (МЕД) (Luks, 2002, 2004; Laruelle 2006, 2012; Höllwerth, 2007). Дугинский неоимпериализм, правда, во многом отличается от видения мировой политики Жириновским. Тем не менее, экспансионистскую программу лидера МЕД также можно охарактеризовать как «революционную». И это несмотря на то, что феномены Дугина и Жириновского в других отношениях принципиально отличаются.

Во-первых Дугин, в отличие от Жириновского не является партийным политиком, а действует на мета-политическом уровне (Umland, 2006a). Он пытается оказать влияние на элиты России с помощью различных публикаций, активного присутствия в соцсетях, частых выступлений в СМИ и на разных конференциях (Ivanov, 2007). Во-вторых, Дугин отличается от Жириновского и тем, что он заиклен не на «юге», а на «Западе». Дугин считает США в значительно бóльшей степени, чем Жириновский историческим, а также настоящим и будущим главным врагом России и основывает эту точку зрения на пространную теорию заговора, с помощью которой он переосмысливает всю историю человечества.

Предводитель российских так называемых «неоевразийцев» в сотнях электронных и печатных изданий живописует картину берущего свои истоки в стародавние времена конфликта между атлантическими морскими державами, т.н. «талассократиями», которыми в данный момент руководит США и евразийскими традиционалистскими континентальными силами, т.н. «теллуократиями», во главе которых сейчас стоит Россия. Цивилизационный, политический и военный конфликт «евразийцев» с морскими державами в настоящий момент близится к «Endkampf» — «последнему бою». (При этом Дугин иногда использует этот имеющий печально известную историю немецкий термин без перевода на русский язык.) Россия, по словам Дугина, должна провести для своего возрождения антилиберальную «консервативную революцию», т.е. искоренение западного влияния из своей общественной жизни, и в своих международных отношениях настоять на создании мощной евразийской сверхимперии, состоящей из нескольких подимперий под руководством России.

Конкретные имперские планы Дугина иногда значительно отличаются в зависимости от издания его книг, момента его выступления или направления его статьи. Ясно только то, что Россия сможет существовать долгосрочно только как империя или сверхимперия и погибнет, если останется обычным национальным государством в его нынешних границах и с его нынешней сферой влияния. В идеале, должна возникнуть некая великая империя от Дублина до Владивостока со столицей в Москве, или, по крайней мере, образоваться ось Париж-Берлин-Москва-Тегеран-Токио (или –Пекин), которые совместно будут противостоять экспансии англо-американской морской цивилизации. Этим своим политическим видением Дугин еще больше чем Жириновский выходит за рамки реставрационного экспансионизма «советских реакционеров». Он тем самым, в ещё большей мере может быть классифицирован как революционной империалист (Shekhovtsov, 2008).

Сам себя Дугин называет «неоевразийцем» и претендует на то, что он продолжает традиции классических евразийцев русской эмиграции в Европе межвоенного периода (Wiederkehr, 2004; Laruelle, 2012). Однако, его интеллектуальная биография отмечена решающим изначальным влиянием ряда нерусских, в основном западных авторов. Это в первую очередь касается евро-американского интегрального традиционализма XX века (Sedgwick, 2004; Laruelle 2006; Shekhovtsov & Umland, 2009a), немецкого национал-большевизма, младо-консерватизма и левого нацизма двадцатых годов (Luks, 2000). Чуть позднее на Дугина начали оказывать влияние сегодняшние, в основном франкоязычные «новые правые» (Laruelle, 2006; Shekhovtsov, 2009), сформировавшихся в виде консолидированного интеллектуального движения в конце 1960-х как реакция на студенческую революцию 1968-го г. и на основе, в основном,

идей немецкой «консервативной революции» межвоенного периода (Griffin, 2000a, 2000b; Spektorowski, 2003; Bar-On, 2007).

В 1990-е годы, когда он был еще относительно маргинальной фигурой в политической жизни Москвы (Mathyl, 1998), Дугин зашел так далеко, что открыто рассматривал свою идеологию в традициях международного фашизма, восхвалял некоторые аспекты нацизма и представлял Третий Рейх как одну из наиболее важных манифестаций предпочитаемого им «третьего пути» (Umland, 2007). В одной из своих ранних работ он назвал изначально главного организатора Холокоста обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха «убежденным евразийцем». Под псевдонимом «Александр Штернберг» Дугин опубликовал в 1994 году стихотворение, в котором он воспеваеет воскресению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера (Штернберг, 2001).¹¹ В другой своей интернет-публикации Дугин приветствовал подъем «фашистского фашизма» в России (Дугин, 2006).

Несмотря на эти и другие нарушения политической корректности России, в конце 1990-х Дугину начал свой – как выяснилось впоследствии – устойчивый взлет в политический истеблишмент Москвы (Mathyl, 2002; Laruelle 2006, 2012). В 1998 г. он стал советником тогдашнего председателя Госдумы и депутата от КПРФ Геннадия Селезнева. Позже Дугин сумел привлечь ряд других видных политических и общественных деятелей на временной или постоянной основе в свое основанное в 2001 г. Евразийское движение и, видимо, убедить их в евразийской истинности своих экстравагантных идейных конструкций. Временными членами т.н. Высшего совета его движения были, например, бывший министр культуры РФ Александр Соколов и заместитель председателя Совета Федерации РФ

¹¹ Стихотворение было позднее еще раз опубликовано на дугинском веб-сайте Arcto.ru.

Александр Торшин. Дугин также завязал тесные знакомства в медийном ландшафте и в Президентской администрации, например, с популярным телекомментатором и предположительно «любимым журналистом Путина» Михаилом Леонтьевым, с близким Путину высоким правительственным чиновником и бывшим офицером КГБ Виктором Черкесовым (Лимонов, 2006).

Особенно тесной кажется связь Дугина с бывшим начальником идеологического управления исполнительного комитета (политического департамента) путинской партии «Единая Россия», а сегодня заместителем заведующего одного из отделов администрации Президента России Иваном Демидовым (Umland, 2008a). Лишь за несколько месяцев до занятия офиса главного идеолога «партии власти» Демидов, в онлайн-интервью от 2007 г. для дугинского сайта Evrazia.org назвал себя — со ссылкой на идеологию Дугина — «убежденным евразийцем». По иронии, Демидов тем самым употребил ту же формулировку, которую Дугин, как упоминалось выше, использовал за 15 лет до этого в отношении заместителя рейхсфюрера СС Гейдриха (Umland, 2009d).

С одной стороны, с момента своего вхождения в политический истеблишмент Москвы с конца девяностых годов Дугин явно избегает однозначных профашистских высказываний, подобных упомянутым выше. Сегодня он позиционирует себя парадоксальным образом даже как «антифашист» и не чурается клеймить своих политических оппонентов как «фашистов» или «нацистов». Однако еще в 2006 г. Дугин в одном своем, хотя и казуистически сформулированном, но однозначном заявлении признался в своей близости к раннему немецкому фашизму. Он открыто заявил, что является приверженцем идей немецких братьев Штрассеров, причем в этом интервью Дугин представил Штрассеров как противников

Адольфа Гитлера. Однако Дугин «забыл» упомянуть, что Отто и Грегор Штрассеры в свое время сами были ведущими нацистами и в конце двадцатых сыграли важную роль в превращении НСДАП в партию масс. Позднее Братья Штрассеры стали действительно оппонентами Гитлера – однако, в рамках нацистского движения (Umland, 2009d).

Таким образом, Дугин и после своего вхождения в политический истеблишмент России открыто подтвердил свою близость к классическому фашизму межвоенного периода. Также, он нигде не отрицал и не отзывал свои явно профашистские заявления времен девяностых, когда он ещё был маргинальным и более свободным в своих выражениях. Тем не менее, он стал и остаётся уважаемым политическим комментатором контролируемых Кремлем СМИ. Например, он выступал в качестве «эксперта» на веб-сайте Kreml.org, а летом 2008 г. был назначен одним из самых престижных университетов России — Московским государственным университетом — в качестве профессора и руководителя так называемого Центра консервативных исследований факультета социологии университета имени М.В. Ломоносова (Umland, 2009e).

Правда, рассматривать Дугина как главного идеолога Путина или полноценного репрезентанта современной внешнеполитической доктрины России, как это иногда делается в западной прессе, был бы неоправданно. Тем не менее, крайний антиамериканизм и революционный неоимпериализм Дугина сегодня представляют собой — как и феномен Жириновского — неотъемлемую часть общего национального публичного дискурса постсоветских элит. Доктрины Дугина, Жириновского и похожих публицистов находятся хотя и на краю идеологического спектра, но все еще в рамках основных течений российской политики (Umland, 2008a).

Было бы, как упомянуто, преувеличением утверждать о прямом влиянии Жириновского или Дугина на сегодняшнюю внешнюю политику России, как это сделал в отношении «неоевразийцев» российский корреспондент *Financial Times* Чарльз Кlover уже в 1999 г. (Clover, 1999). С другой стороны, нельзя отрицать, что оба этих политика-идеолога, как и ряд других, не менее радикальных политических деятелей и теоретиков при Путине принимают участие в формировании общего российского идейного спектра и внешнеполитического мышления в значительно большей степени, чем до начала правления Путина (Shenfield, 2001). Хотя в девяностые годы Жириновский, Дугин и Ко тоже присутствовали в СМИ и политическом дискурсе, они тогда ещё были политически изолированы и стигматизированы. При Путине же они стали частыми, равноправными и иногда даже уважаемыми участниками злободневных политических дискуссий на центральных телеканалах страны, а также более или менее высококочтимые участники политических дебатов на конференциях и семинарах или авторы статей для периодических изданий федерального, а отчасти и международного значения.¹²

Заключения и выводы

Российский реставрационно-ирредентистский нео-империализм, который в девяностые годы ещё находился на крайне правой обочине идеологического спектра, сейчас является составной частью

¹² См., напр., статью Дугина в журнале «Russia in Global Affairs»: Dugin, 2006. В состав объявленной тогда на веб-сайте редакционной коллегии этого журнала входили, наряду с именитыми россиянами, также известные представители западной общественности, как, например, Мартти Ахтисаари, Грэхэм Эллисон, Гельмут Коль, Карл Бильдт, Карл Кайзер или Хорст Тельчик. См.: URL (последний просмотр 27.11.2009) <http://eng.globalaffairs.ru/about/#board>.

внешнеполитического мэйнстрима России. Соответствующий сдвиг всей российской политики «направо» и последующая радикализация российского политического центра вызваны не в последнюю очередь тем, что «справа» от сегодня центристского ирредентистского-реставрационного течения в российском идеологическом спектре этаблировалась другая реваншистская идейная школа.

Второй имперско-ультранационалистический лагерь отличается от первого своей явной революционности. Он, конечно, уже существовал в 1990-их, но тогда ещё был маргинальным и стигматизированным. Революционный империализм стал политически и публицистически значимым только после прихода Владимира Путина и сегодня представлен такими политическими фигурами, как Жириновский и Дугин. Революционные империалисты в условиях политической системы 1990-х были уже заметными игроками, но тогда ещё представляли собой скорее изгои российской элиты и скандалисты публичного дискурса. В новом же веке они стали интегрированными игроками в «системе Путина», респектабельным лагерем партийного спектра, стабильной частью идейного ландшафта России и регулярными участниками теледебат на российских государственных и полугосударственных каналах.

Эта новая разновидность политически значимого российского правого радикализма стремится не к восстановлению царской и/или советской империи и не к простому возобновлению «холодной войны» с Западом. Вместо этого, революционные империалисты наподобие Жириновского и Дугина мечтают о совершенно новом российском государстве в новых границах и о полном переделе мирового порядка. Де-факто они являются проповедниками Третьей мировой войны России с «югом» (Жириновский) или Западом (Дугин). Хотя в политике МИДа России

еще не обнаружены открыто революционно-империалистические элементы, весь российский политический дискурс, в том числе и внутри-правительственный, находится – касательно определения целей и методов внешней политики России – уже при опосредованном влиянии сверхрадикальных политических прокламаций Жириновского, Дугина и подобных им идеологов (Umland, 2006a; Laruelle 2009).

Это изменение и является одной из причин растущей агрессивности высказываний не только Путина, но и таких ранее либерально выступающих политиков как Дмитрия Медведева. Когда Медведев, еще до своего пребывания в должности Президента в 2008-2012 г. занимал относительно низкие позиции в российской «вертикали власти» и находился под непосредственным патронажем второго Президента, он был достаточно независимым, чтобы неоднократно и публично объявлять о своей приверженности т.н. европейским ценностям (Umland, 2008c). Однако с момента вступления в должность Президента РФ в 2008-ом г. Медведев был вынужден в той или иной мере соответствовать политическим запросам всех лагерей политически значимого идеологического спектра путинской России. Тем самым ему приходилось, в попытке упрочить свое положение в федеральной структуре власти, иметь дело не только с реставрационно-имперскими тенденциями в государственном аппарате и гражданском обществе. Медведев и его сподвижники в российской элите должны были и учитывать еще более экстремистские требования революционных реваншистов, таких как Жириновский и Дугин.

Видимо, причинно-следственная связь здесь двусторонняя. Путин и его помощники в последние годы сделали все более радикальный антиамериканизм своей придворной идеологией. Тем самым бывший

офицер КГБ предоставил таким демагогам, как Дугин новое политическое пространство. В результате принципиально преобразованной при Путине информационной политики в сегодняшней России представление о том, что не наследие советского прошлого, а Запад, а в особенности США, несут ответственность за целый ряд, если не большинство, с точки зрения России, негативных политических развитий последних лет, является едва ли не непререкаемым трюизмом.

На этом фоне, далеко идущие вызовы Жириновского, Дугина и им подобных западному миру, их предложение о создании совершенно новых великих империй, т.е. их революционный империализм, могут представляться в определенной степени более последовательным ответами на предполагаемую американскую угрозу, нежели обычные ирредентистские чаяния «советских реакционеров» (Umland, 2008c). Заявления Путина и Медведева отражают революционные имперские планы крайне правых, конечно, не прямым образом. Но идеологическое само-позиционирование второго и третьего Президентов РФ частично является и результатом постоянного присутствия революционного экспансионизма в СМИ и на форумах политических, публицистических и научных дискуссий (Umland, 2008e).

Таким образом, однажды относительно либерально настроенный третий Президент России Медведев был в 2008-2012-х гг. вынужден сформировать в противовес критике крайне правого крыла имперского ультранационализма излишне широкий политический альянс, включающий и реставрационных империалистов. На фоне безумных, но широко освещаемых требований Жириновского, Дугина и им подобных, Медведев должен был сблизиться с реставрационными империалистами, чтобы обеспечить консолидацию своих позиций в качестве формально

главного политического деятеля России. Логика скрытой, но все еще существующей российской политической конкуренции привела его с учетом проиллюстрированного выше передела российского политического спектра в ряды «советских реакционеров». Если бы Медведев настаивал на осуществлении своей изначально прозападной политической программы, содержащей идею сближению как с ЕС, так и с США, против него мобилировалась бы коалиция силовиков, политических циников, «советских реакционеров» и крайне правых, которая могла бы спровоцировать его политическую маргинализацию или даже лишение власти уже в начале его президентства в 2008 году.

В качестве прогноза таким образом можно отметить, что если усиливающиеся российский правый экстремизм и революционный империализм не будут обузданы, маргинализированы и/или стигматизированы как неприемлемые фашистские явления и не вытеснены из средств массовой информации и мейнстримовых форумов, то следует ожидать продолжение ухудшения отношений между Россией и Западом. Сравнительно прозападные политические деятели и группировки в государственном руководстве, интеллектуальной элите и партийном ландшафте России существуют и будут существовать. И западники, возможно, рано или поздно опять будут участвовать в формировании центристской формальной или неформальной правящей коалиций РФ. Однако, в контексте сегодня сложившегося политического истеблишмента, который включает революционных реваншистов в качестве легитимных участников публичного дискурса, вхождение западников во власть может оказаться проблематичным, скомпрометированным или просто невозможным. При условиях ощутимого присутствия таких неофашистов как Жириновский и Дугин в масс-медийных дебатах и высокой политики

России, идеологический центр сегодняшней России будет и далее располагаться вокруг цели, по крайней мере, частичного восстановления российской империи (Umland, 2009e). Пока общая идеологическая гравитация политики и публичный дискурс общественности России и далее будут находиться под значительным влиянием фантастических идей революционных империалистов, перспективы нормализации отношении Москвы как с бывшими советскими республиками, так и с Западом представляются туманными.

Библиография

- Backes, Uwe, Jesse, Eckhard, 2005. Die Rechts-Links-Unterscheidung. Betrachtungen zu ihrer Geschichte, Logik, Leistungsfähigkeit und Problematik. *Eidem. Vergleichende Extremismusforschung*. Baden-Baden: Nomos, 99–120.
- Bailey, Kenneth, 2007. *Methods of Social Research*. New York: Free Press.
- Bar-On, Tamir, 2007. *Where Have All the Fascists Gone?* Aldershot: Ashgate.
- Bobbio, Norberto, 1994. *Rechts und Links. Gründe und Bedeutungen einer politischen Unterscheidung*. Berlin: Wagenbach.
- Casula, Philipp, Perovic, Jeronim, eds., 2009. *Identities and Politics During the Putin Presidency. The Discursive Foundations of Russia's*. Stuttgart: *ibidem*-Verlag.
- Clover, Charles, 1999. Dreams of the Eurasian Heartland. The Re-emergence of Geopolitics. *Foreign Affairs*. 78 (2): 9–13.

- Conradi, Peter, 1995. *Schirinowski und der neue russische Nationalismus*. Düsseldorf: ECON.
- Davidheiser, Evelyn, 1998. The CPRF. Towards Social Democracy or National Socialism? Wyman, Matthew, White, Stephen, Oates, Sarah, eds. *Elections and Voters in Post-Communist Russia*. Cheltenham: Edward Elgar, 240–271.
- Devlin, Judith, 1999. *Slavophiles and Commissars. Enemies of Democracy in Modern Russia*. Basingstoke: Macmillan.
- Dugin, Aleksandr, 2006. Fascism – borderless and red. Griffin, Roger, Loh, Werner, Umland, Andreas, eds. *Fascism Past and Present, West and East. An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right*. Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 505–510.
- Dugin, Alexander, 2006. Kondopoga. A Warning Bell. *Russia in Global Affairs*. 4, URL (accessed online 27.11.2017) <http://eng.globalaffairs.ru/engsmi/1061.html>.
- Eatwell, Roger, O’Sullivan, Noël, 1989. *The Nature of the Right. American and European Politics and Political Thought Since 1789*. London: Pinter.
- Ehlers, Kai, 2008. Putin – ein Fehler? *Eurasisches Magazin*. 11, URL (accessed online 27.11.2017) <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20081107>.
- Ehlers, Kai, 2009. Worüber lohnt es zu diskutieren? *Eurasisches Magazin*. 1, URL (accessed online 27.11.2017) <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090108>.
- Eichwede, Wolfgang, ed., 1994. *Der Schirinowski-Effekt. Wohin treibt Rußland?* Reinbek: Rowohlt.

- Fish, Steven M., 2005. *Democracy Derailed in Russia. The Failure of Open Politics*. New York: Cambridge University Press.
- Flikke, Geir, 1999. Patriotic Left-Centrism. The Zigzags of the Communist Party of the Russian Federation. *Europe-Asia Studies*. 51 (2): 275–298
- Freyberg-Inan, Annette, 2004. *What Moves Man. The Realist Theory of International Relations and Its Judgement of Human Nature*. Albany: SUNY Press.
- Glybowski, Juri, Winkel, Jörg, 1991. Rückwärts marsch! Zum Konservatismusphänomen in der UdSSR. *Osteuropa*. 41 (8): 791–801.
- Greiffenhagen, Martin, 1986. *Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Griffin, Roger, 2000a. Between Metapolitics and Apoliteia. The Nouvelle Droite's Strategy for Conserving the Fascist Vision in the „Interregnum.“ *Modern and Contemporary France*, 8 (1): 35–53.
- Griffin, Roger, 2000b. Plus ça change! The Fascist Pedigree of the Nouvelle Droite. Arnold, Edward, ed. *The Development of the Radical Right in France, 1890-1995*. London: Routledge, 217–252.
- Höllwerth, Alexander, 2007. *Das sakrale eurasische Imperium des Aleksandr Dugin. Eine Diskursanalyse zum postsowjetischen russischen Rechtsextremismus*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Hughes, Michael, 1993. The Never-Ending Story. Russian Nationalism, National Communism and Opposition to Reform in the USSR and Russia. *The Journal of Communist Studies*. 9 (9): 41–61.
- Huntington, Samuel P., 1957. Conservatism as Ideology. *American Political Science Review*. 51 (2): 454–473.

- Ishiyama, John T., 1996. Red Phoenix? The Communist Party of Post-Soviet Russian Politics. *Party Politics*. 2: 147–175.
- Ivanov, Vladimir, 2007. *Alexander Dugin und die rechtsextremen Netzwerke. Fakten und Hypothesen zu den internationalen Verflechtungen der russischen Neuen Rechten*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Kantor, Vladimir, 2006. *Willkür oder Freiheit? Beiträge zur russischen Geschichtsphilosophie*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Kazantsev/Казанцев, Андрей, 2007. «Суверенная демократия». Структура и социально-политические функции концепции. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, 4 (1), URL (accessed online 12.12.2017) <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forumruss.html>.
- Klepikova, Elena, Solovyov, Vladimir, 1995. *Zhirinovsky. The Paradoxes of Russian Fascism*. Harmondsworth: Viking/Penguin.
- Laruelle, Marlène, 2006. Aleksandr Dugin. A Russian Version of the European Radical Right? *Kennan Institute Occasional Papers*. 294, URL (accessed online 27.11.2017) <http://www.wilsoncenter.org/news/docs/OP294.pdf>.
- Laruelle, Marlène, 2009. *In the Name of the Nation. Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Laruelle, Marlène, 2012. *Russian Eurasianism. An Ideology of Empire*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Лимонов/Лимонов, Эдуард, 2006. Как надо понимать. *Лимонка*, 306, URL (accessed online 27.11.2009) http://limonka.nbp-info.ru/306_article_1159259357.html.

- Luks, Leonid, 2000. Der „Dritte Weg“ der „neo-eurasischen“ Zeitschrift „Élementy“ – zurück ins Dritte Reich? *Studies in East European Thought*. 52 (1-2): 49–71.
- Luks, Leonid, 2002. Zum „geopolitischen“ Programm Aleksandr Dugins und der Zeitschrift *Élementy* – eine manichäische Versuchung? *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 6 (1): 43–58.
- Luks, Leonid, 2004. Eurasien aus neototalitärer Sicht. Zur Renaissance einer Ideologie im heutigen Rußland. *Totalitarismus und Demokratie*. 1 (1): 63–76.
- Luks, Leonid, 2005. *Freiheit oder imperiale Größe? Essays zu einem russischen Dilemma*. Stuttgart: *ibidem*-Verlag.
- Luks, Leonid, 2009. *Der russische „Sonderweg“? Aufsätze zur neuesten Geschichte Rußlands im europäischen Kontext*. Stuttgart: *ibidem*-Verlag.
- March, Luke, 2001. For Victory? The Crisis and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation. *Europe-Asia Studies*. 53 (2): 263–290.
- Maresch, Rudolf, 2009a. Die Entwestlichung der Welt ist längst im vollen Gang. *Eurasisches Magazin*. 3, URL (accessed online 27.11.2017) <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090311>.
- Maresch, Rudolf, 2009b. Zwischen Ressentiment und Appeasement. *Eurasisches Magazin*. 1, URL (accessed online 27.11.2017) <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/?artikelID=20090109>.
- Mathyl, Markus, 1997-98. „Die offenkundige Nisse und der rassenmäßige Feind“. Die National-Bolschewistische Partei als Beispiel der Radikalisierung des russischen Nationalismus. *Halbjahresschrift für*

- südosteuropäische Geschichte, Literatur und Politik.* 9 (2): 7–15; 10 (1): 23–36.
- Mathyl, Markus, 2002. Der „unaufhaltsame Aufstieg“ des Aleksandr Dugin. Neo-Nationalbolschewismus und Neue Rechte in Russland. *Osteuropa.* 52 (7): 885–900.
- Morrison, James W., 1994. *Vladimir Zhirinovsky. An Assessment of a Russian Ultra-Nationalist.* Washington: National Defense University.
- Moses, Joel C., 1991. The Challenge to Soviet Democracy from the Political Right. Hubert, Robert T., Kelley, Donald R., 1991. *Perestroika-Era Politics. The New Soviet Legislature and Gorbachev's Political Reforms.* Armonk: M.E. Sharpe, 105–128.
- O'Connor, Kevin, 2006. *Intellectuals and Apparatchiks. Russian Nationalism and the Gorbachev Revolution.* Lanham: Lexington Books.
- Olsen, Jonathan, 2002. Germany's PDS. Between East and West. *Central European Political Studies Review.* 4 (1–2), URL (accessed online 1.12.2017) <http://www.cepsr.com/clanek.php?ID=39>.
- Orttung, Robert W., 1992. The Russian Right and the Dilemmas of Party Organisation. *Soviet Studies.* 44 (3): 445–478.
- Oschlies, Wolf, 1995. *Wladimir Schirinowski. Der häßliche Russe und das postkommunistische Osteuropa.* Köln: Böhlau.
- Sakwa, Richard, 1998. Left or Right? The CPRF and the Problem of Democratic Consolidation in Russia. *The Journal of Communist Studies and Transition Politics.* 14 (1–2): 128–158.
- Schulze, Peter W. 2007. Souveräne Demokratie. Kampfbegriff oder Hilfskonstruktion für einen eigenständigen Entwicklungsweg? Die

- Ideologische Offensive des Vladislav Surkov. Buhbe, Matthes, Gorzka, Gabriele, eds. *Russland heute. Rezentralisierung des Staates unter Putin*. Wiesbaden: VS-Verlag, 293–312.
- Schumann, Hans-Gerd, ed. 1974. *Konservativismus*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Sedgwick, Mark, 2004. *Against the Modern World. Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. New York: Oxford University Press.
- Shekhovtsov, Anton, 2008. The Palingenetic Thrust of Russian Neo-Eurasianism. Ideas of Rebirth in Aleksandr Dugin's Worldview. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 9 (4): 491–506.
- Shekhovtsov, Anton, 2009. Aleksandr Dugin's Neo-Eurasianism. The New Right à la Russe. *Religion Compass*. 3 (4): 697–716.
- Shekhovtsov, Anton, 2017. *Russia and the Western Far Right. Tango Noir*. Abingdon: Routledge.
- Shekhovtsov, Anton, Umland, Andreas, 2009. Is Dugin a Traditionalist? „Neo-Eurasianism“ and Perennial Philosophy. *The Russian Review*. 68 (4): 662–67.
- Shenfield, Stephen D., 2001. *Russian Fascism. Traditions, Tendencies, Movements*. Armonk: M.E. Sharpe.
- Shternberg/Штернберг, Александр, 1994. Нежданный никем Аватара. *Барбело-Гнозис (сборник стихов)*, URL (accessed online 27.11.2017) <http://www.arctogaia.com/public/stihi1.htm>.

- Simonsen, Sven Gunnar, 2001. Nationalism and the Russian Political Spectrum. Locating and Evaluating the Extremes. *Journal of Political Ideologies*. 6 (3): 263–288.
- Spektorowski, Alberto, 2003. The New Right. Ethno-regionalism, Ethno-pluralism and the Emergence of a Neo-fascist „Third Way.“ *Journal of Political Ideologies*, 8 (1): 111–30.
- Timmermann, Heinz, 1997. Rußlands KP. Zwischen angepaßtem Leninismus und Volkspatriotismus. *Osteuropa*. 47: 749–761.
- Tolz, Vera, 1997. The Radical Right in Post-Communist Russian Politics. Merkl, Peter H., Weinberg, Leon, 1997. *The Revival of Right-Wing Extremism in the Nineties*. London: Frank Cass, 177–202.
- Tsygankov, Andrei P., 1997. From Internationalism to Revolutionary Expansionism. The Foreign Policy Discourse of Contemporary Russia. *Mershon International Studies Review*. 41 (2): 247–268.
- Umland, Andreas, 1994a. Ein Gespräch mit Wladimir Schirinowski. *Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte*. 41 (2) 114–117.
- Umland, Andreas, 1994b. The Zhirinovskii Interview. *The Woodstock Road Editorial. An Oxford Magazine of International Affairs*. 16: 3–5.
- Umland, Andreas, 1995. Die Sprachrohre des russischen Revanchismus. *Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte*, 42 (10): 916–921.
- Umland, Andreas, 1997a. The Post-Soviet Russian Extreme Right. *Problems of Post-Communism*. 44 (4): 53–61.
- Umland, Andreas, 1997b. Vladimir Zhirinovskii in Russian Politics. Three Approaches to the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia, 1990-1993. Dr. phil. diss. Berlin: Free University.

- Umland, Andreas, 1998. Rußlands postsowjetische extreme Rechte. Ein Literaturbericht. *Jahrbuch für Antisemitismusforschung*. 7. Frankfurt am Main: Campus, 332–351.
- Umland, Andreas, 2003. Die rechtsextremistische APO im heutigen Rußland. Ultranationalistische Denkfabriken als Bestandteil der postsowjetischen „unzivilen Gesellschaft“. Wegner, Michael, Haney, Vera, Jahn, Andrea, eds., 2003. *Rußland – ein starker Staat?* Jena: Thüringer Forum für Bildung und Wissenschaft, 123–143.
- Umland, Andreas, 2006a. Neue ideologische Fusionen im russischen Antidemokratismus. Westliche Konzepte, antiwestliche Doktrinen und das postsowjetische politische Spektrum. Backes, Uwe, Jesse, Eckhard, *Gefährdungen der Freiheit. Extremistische Ideologien im Vergleich*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 371–406.
- Umland, Andreas, 2006b. Postsowjetische Gegeneliten und ihr wachsender Einfluss auf Jugendkultur und Intellektuellendiskurs in Rußland. Der Fall Aleksandr Dugin 1991-2004. *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 10 (1): 115–147.
- Umland, Andreas, 2007. Faschismus à la Dugin. *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 12: 1432–1435.
- Umland, Andreas, 2008a. Das postsowjetische Russland zwischen Demokratie und Autoritarismus. *Eurasisches Magazin*. 11: 14–21.
- Umland, Andreas, 2008b. Zhirinovskiy's „Last Thrust to the South“ and the Definition of Fascism. *Russian Politics and Law*. 46 (4): 31–46.
- Umland, Andreas, 2008c. A Second Gorbachev? *Prospect Magazine*. 28 March, URL (accessed online 27.11.2017) <http://www.prospectmagazine.co.uk/2008/03/asecondgorbachev/>.

- Umland, Andreas, 2008d. Russischer Rechtsextremismus im Lichte der jüngeren theoretischen und empirischen Faschismusforschung. *Osteuropa*. 52 (7): 901–913
- Umland, Andreas, 2008e. Conceptual and Contextual Problems in the Interpretation of Contemporary Russian Ultrationalism. *Russian Politics and Law*. 46 (4): 6–30.
- Umland, Andreas, 2008f. Moscow's New Chief Ideologist – Ivan Demidov. *OpEdNews*, 26 August, URL (последний просмотр 27.11.2017) http://www.opednews.com/articles/genera_andreas__080423_moscow_s_new_chief_i.htm.
- Umland, Andreas, 2008g. „Neoeurasismus“ und Anti Amerikanismus als Grundbestandteile des außenpolitischen Denkens in Russland. *Russland-Analysen*. 174: 11–14.
- Umland, Andreas, 2009a. Das Konzept der „unzivilen Gesellschaft“ als Instrument vergleichender und rußlandbezogener Rechtsextremismusforschung. *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 13 (1): 129–147.
- Umland/Умланд, Андреас, 2009b. Коричневая стрелка. Взлет Международного «Евразийского движения». *Континент*. 141, URL (accessed online 27.11.2017) <http://magazines.russ.ru/continent/2009/141/um13.html>.
- Umland, Andreas, 2009c. Pathological Tendencies in Russian „Neo-Eurasianism“. The Significance of the Rise of Aleksandr Dugin for the Interpretation of Public Life in Contemporary Russia. *Russian Politics and Law*. 47 (1): 76–89.

- Umland, Andreas, 2009d. Fascist Tendencies in Russia's Political Establishment. The Rise of the International Eurasian Movement. *Russian Analytical Digest*. 60: 13–17.
- Umland, Andreas, 2009e. The Unpopular Prospect of World War III. The 20th Century Is Not Over Yet. *History News Network*. 16 January, URL (последний просмотр 27.11.2017) <http://hnn.us/roundup/entries/60004.html>.
- Umland, Andreas, 2017. Post-Soviet Neo-Eurasianism, the Putin System, and the Contemporary European Extreme Right. *Perspectives on Politics*. 15 (2): 465–476.
- Urban, Joan Barth, Solovei, Valerii, 1997. *Russia's Communists at the Crossroads*. Boulder: Westview.
- Vujačić, Veljko, 2001. Serving Mother Russia. The Communist Left and Nationalist Right in the Struggle for Power, 1991-1998. Bonnell, Victoria E., Breslauer, George W., 2001. *Russia in the New Century. Stability and Disorder?* Boulder: Westview, 290–325.
- Wiederkehr, Stefan, 2004. „Kontinent Evrazija“ – Klassischer Eurasismus und Geopolitik in der Lesart Alexander Dugins. Kaiser, Markus, ed., *Auf der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa*. Bielefeld: Transcript, 25–138.
- Williams, Christopher, Hanson, Stephen E., 1999. National-Socialism, Left Patriotism, or Superimperialism? The Radical Right in Russia. Ramet, Sabrina, ed., *The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989*. University Park: Pennsylvania State University Press, 257–278.
- Wilson, Andrew, 2007. *Virtual Politics. Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven: Yale University Press.

Янов/Янов, Александр, 1988. *Русская идея и 2000 год*. New York: Liberty.

Yanov, Alexander, 1981. *The Origins of Autocracy. Ivan the Terrible in Russian History*. Berkeley: University of California Press.

Zhirinovskii/Жириновский, Владимир, 1993а. О политике внутренней и внешней. *Либерал*. 2(12): 3-4.

Zhirinovskii/Жириновский, Владимир, 1993б. *Последний бросок на Юг*. Москва: Буквица.

ОБРАЗ И ИМИТАЦИЯ

ВИЗУАЛЬНАЯ РИТОРИКА ПРОРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Дженнифер Дж. Кэрролл

Медицинская школа им. Уорена Алперта, университет Браун, OCRid: 0000-0001-5711-7419

***Резюме.** Эта статья посвящена контрнарративам, направленным против гражданского и националистического протестных движений в Украине 2013-14 годов. Автор применила семиотическую теорию и теорию визуальной антропологии для анализа и описания того, как устроены и функционируют эти контрнарративы. Многие пророссийские пропагандистские акции использовали специфическую иконографию, которая направленно брендировала Майдан и его участников в социальном воображении. Эта тактика была связана со специфической мимикрией, проявившейся во множестве особых «ярлыков», использовавшихся Анти-Майданом в Мариинском парке и российскими военнослужащими, представлявшимися «отрядами самозащиты» в Крыму. Хотя многие называют эти типы имитации и мимикрии «прямыми» и «неприкрытыми», автор доказывает, что в этом брендировании использовались особые семиотические техники для управления восприятием фотообразов. Эти техники использовали неоднозначность того, что Ролан Барт называл «третьим смыслом образов», направленных на видимость легитимности политически мотивированных контрнарративов. И хотя обычный способ*

доказательства специфической природы этих контрнарративов невозможен (в силу их неистинности), они достигают своей цели, благодаря продуцированию доверия к ложной объективности образа.

Ключевые слова: *медиа, СМИ, пропаганда, образ, семиотика, Майдан, Крым, Донбасс.*

Полный текст статьи доступен на английском языке.

ИСТОКИ ПОПУЛИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Юрий Мациевский

Национальный университет «Острожская академия», ORCID: 0000-0001-9637-0572

и

Александр Кашинский

Национальный университет «Острожская академия», ORCID: 0000-0001-9637-0572

***Резюме.** Статья посвящена анализу популизма в бедных и богатых обществах Центральной и Восточной Европы. Авторы применяют теорию Аджемоглу, Сонины и Егорова о том, что появление популизма обусловлено слабостью демократических институтов, к кейсам Польши, Румынии и Украины. Авторы доказывают, что в Польше и Румынии быстрая экономическая либерализация привела к социальному недовольству значительной части населения, которое, с одной стороны, полагалось на поддержку государства, а с другой, ожидало быстрого улучшения своего положения. Патерналистические и патриотические запросы способствовали появлению правого популизма, который в Польше носит консервативный, а в Румынии – более националистический характеры. В Украине же отсутствие реформ привело к появлению социального популизма, который, однако, мимикрирует под правые и левые политические движения. Кроме того, Авторы указывают на связь между популизмом и неудовлетворительным состоянием демократии в исследуемых*

странах. Опираясь на показатели демократизации в трех странах, мы указываем, что правление популистов, скорее всего, не способствует развитию демократии.

Ключевые слова: демократические институты, патернализм, элиты, консерватизм, национализм, популизм, социальный популизм, Польша, Румыния, Украина, Аджемоглу, Сонин, Егоров.

Полный текст статьи доступен на украинском языке.

**РИГИДНОСТЬ ОБОБЩЕННОГО ИНОГО
ИНАКОВОСТЬ И ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ С ПОЗИЦИЙ СИМВОЛИЧЕСКОГО
ИНТЕРАКЦИОНИЗМА**

Джузеппе Юрато

Университет им. Линнея, ORCID: 0000-0002-6146-4349

Резюме. Статья посвящена социально-психологическому осмыслению процессов модернизации и демодернизации. Используя теорию символического интеракционизма Джорджа Герберта Мида, Автор указывает на доминирование социально-психического конструкта Обобщенного Иного в обоих процессах, хотя и с разными последствиями. В процессе модернизации, как заключает Автор, в современные институты и институции инвестируется Super-Ego в форме Инаковости. Эта подсознательная Инаковость функционирует в виде разного рода автоматизмов и «возвратов в прошлое», часто проявляющаяся на маргинесе модерна в постколониальных обществах.

Ключевые слова: *символический интеракционизм, социальная психология, психоанализ, модернизация, демодернизация, Иной, Инаковость, интеракционизм, Мид.*

Текст статьи доступен на английском языке.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР ЖИТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

КАК СОЦИАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Александр Резник

Институт социологии Национальной академии наук Украины, ORCID: 0000-0001-5201-8489

Владимир Резник

Институт социологии Национальной академии наук Украины, ORCID: 0000-0001-9955-0034

Резюме. События Евромайдана в Украине актуализировали дискуссии о возможности демократического транзита этой страны. В статье авторы попытались показать, что для стран, граничащих с различными культурными пространствами, геополитические ориентации является ключевым агрегатором важных социальных ценностей для демократического транзита. Применив метод логистической регрессии, было установлено, что геополитические ориентации украинцев обусловлены не только традиционными социокультурными расколами, но также политическими и экономическими ценностями. Поддержка евроинтеграционного курса стала возможной благодаря сочетанию национальной идентичности, сохранению статуса украинского языка как единственного государственного языка с демократическими и рыночными ценностями. Предположение о различиях между сторонниками геополитических ориентаций по этно-языковому признаку относительно проевропейских респондентов не оправдалось. Отсутствие влияния этноязыковых факторов и наличие ценностных факторов проевропейских ориентаций свидетельствует о рационализации стремлений их носителей. Поддержка на сближение с

Россией обусловлена доминированием русской этнической идентичности, стремлением повышения статуса русского языка, негативным отношением к многопартийной системе и ориентацией на плановую экономику. Существование таких комплексных идентификационных расколов, связанных с геополитическими ориентациями, затрудняет демократический транзит Украины.

Ключевые слова: *геополитические ориентации, Европейский выбор, ценности, демократия, транзит, Украина.*

Полный текст статьи доступен на английском языке.